

Утром 9 Мая 2012 года в квартире Бориса Мироновича Герцензона раздался звонок в дверь. Нарочный от Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, молодой лейтенант вручил ветерану — инвалиду войны поздравление от Президента России:

«Многоуважаемый Борис Миронович!

Сердечно поздравляю Вас с самым святым и светлым праздником России — Днём Великой Победы нашего народа над фашизмом!

Одним из символов беспримерного мужества и героизма Великой Отечественной по праву признана оборона легендарного Невского пятачка — узенькой полоски берега, которую ценой огромных потерь удалось удерживать около 400 дней; именно отсюда началось наступление, прорвавшее вражескую блокаду.

О боях “на пятачке” рассказывал мой отец Владимир Спиридонович, он здесь воевал в 330-м полку, здесь был тяжело ранен в ноябре 1941 года.

Разгром фашистских войск у стен Ленинграда стал предтечей нашей общенародной Победы в самой страшной войне.

Спасибо Вам! Доброго здоровья и благополучия Вам и Вашим близким!

Президент Российской Федерации В. В. Путин».

...Когда началась война, Борису Герцензону было 20 лет. Он пришёл в военкомат и попросил направить его добровольцем в действующую армию. Однако медкомиссия забраковала Бориса в связи со слабым зрением. В составе бригад спортсменов, созданных городским Комитетом физкультуры, Герцензон (перворазрядник по шашкам) проводил сеансы одновременной игры в госпиталях. Игра отвлекала бойцов от болезней, приносила радость. Но Герцензон продолжал рваться на фронт. Не в его характере было отступать или сдаваться! Если уж он что-то задумал, всегда старался использовать все возможности, чтобы достичь цели. Вот и на этот раз он придумал хитроумный обходной манёвр.

Борис пришёл на приём к начальнику культотдела Ленинградского дома офицеров и попросил назначить его заведующим клубом в действующую армию, так как он занимался в драматическом коллективе Ленинградской областной политпросветшколы под руководством известного артиста Большого драматического театра Александра Мазаева, сыграл несколько ролей, в том числе Жевакина в гоголевской «Женитьбе». Опыта организатора клубной работы у Герцензона не было, и вскоре его перевели в пехоту. Так осуществилась мечта Бориса!

«Нас отвезли для пополнения, и появилось свободное время. Я достал из вещмешка доску и шашки и организовал настоящий шашечный турнир. Командование пехотного полка одобрило моё начинание. Как правило, вокруг игроков собиралась толпа, раздавались возгласы удивления и восхищения, шутки, весёлый смех. Это была отличная разрядка. Может быть, это одна из причин, почему я остался верен любимой игре на всю жизнь», — вспоминал Герцензон.

Со своим комплектом шашек Борис прошёл всю Великую Отечественную войну.

Воевал рядовой пехоты Герцензон и в самом пекле — на Невском пятачке, в Синя-

винских болотах. Несмотря на тяжелейшие военные условия, Борис никогда не терял свойственную ему бодрость духа. Однажды в перерыве между тяжёлыми сражениями он написал лирическое стихотворение «Трудный бой», читал его своим товарищам, поднимая им настроение перед боем, заряжая их своим неиссякаемым оптимизмом. «Огнями светило небо, / От грома трещал небосвод./ Уставшие, без хлеба/ Мы шли вперёд и вперёд».

В 22 года рядовой Герцензон участвовал в прорыве блокады Ленинграда под Шлиссельбургом. В январе 1944 года был участником снятия блокады. В траншеях на Пулковских высотах молодой боец написал весёлые сатирические куплеты «Я буду вас иметь в виду». Эти куплеты были необыкновенно популярны среди бойцов. Их распевали, считая народными. А это ли не высшее признание для поэта?!

В боях на Пулковских высотах рядовой Герцензон был ранен. Его привезли в госпиталь, устроенный в Ленинградском дворце пионеров, в больничную палату, которая находилась в той самой комнате, где до войны располагался шашечный клуб. Какие только чудеса не преподносит жизнь!

Борису было 15 лет, когда любознательный юноша стал ходить сразу в четыре кружка Дворца пионеров: исторический, драматический, литературный и шахматно-шашечный. Особенно увлёкся шашками. Ему нравилось парадоксальное высказывание второго чемпиона мира по шахматам Эмануила Ласкера: «Шашки — мать шахмат. И достойная мать!».

У Герцензона с детства была абсолютная память. Ему достаточно было взглянуть на страницу книги, и он запоминал её. Борис помнил содержание всех книг, которые прочёл. А в шашках память имеет огромное значение, ведь в них цена единственной небольшой дебютной ошибки очень велика. Соображал Борис мгновенно, играл с выдумкой и фантазией. К нему закономерно пришли первые успехи. Он стал чемпионом своей 56-й школы, одним из сильнейших школьников Фрунзенского района, а потом и Ленинграда, а в 1940 году вышел в финал взрослого чемпионата города, в котором играло много мастеров. Борис Герцензон завоевал в этом турнире первую категорию.

Во время лечения в госпитале у Бориса во сне и наяву мелькали разнообразные шашечные позиции, комбинации и ловушки. Через десять дней его выписали из госпиталя, и он догнал свой полк. «Мы гнали фашистов всё дальше и дальше. Шли по Ленинградской области. Вместо деревень — обгорелые трубы и изгороди. Все дома

отступавшие немцы сожгли. Население скрывалось в лесах у партизан. Женщины и дети, увидев наших солдат, выходили на дорогу, обнимали и целовали нас, — вспоминал Борис Миронович. — Вскоре мы начали освобождать Псковскую область.

Большие бои развернулись у районного центра Ляды. На шоссе стояли немецкие танки. Командование решило обойти шоссе и взять Ляды штурмом. В это время наша рота занимала одну из высот. Предстояло отсюда атаковать немцев. Перед атакой привезли в термосах водку. Бойцы для смелости пили её прямо из котелков. Впервые мне довелось участвовать в штыковом бою. Кого-то колол, кто-то кричал, тела падали слева и справа»...

Борис был снова ранен: теряя сознание, он увидел всю свою мирную жизнь, как в кино. Вспомнилось, как в семь лет в 1928 году он вместе с родителями переехал из красавицы Одессы, в которой родился, в волшебный Ленинград. Наверное, жизнерадостные одесситы и вложили в Бориса его весёлый, оптимистичный характер. Родители сняли маленькую комнатку на Большой Морской улице. С вокзала извозчик вёз его семью по Гороховой улице, через Фонтанку, канал Грибоедова и Мойку. «Мама, папа, смотрите, да тут сплошные реки! А у нас в Одессе одно только Чёрное море», — кричал изумлённый Боря.

Фронтовые госпитали разворачивали почти на поле боя. Не хватало перевязочного материала, вместо наркоза часто использовали спирт. Очнулся Герцензон в палатке полкового медпункта. Медсестра принесла Борису сто граммов водки, но он отказался. Сестра была изумлена: никто из бойцов от водки никогда не отказывался. Она побежала за хирургом, чтобы сказать ему, не шпион ли это, так как раненый отказался от водки. Врач подошёл, внимательно посмотрел на него, сказал, чтобы тот выдохнул. «Да он ещё просто пьян», — успокоил бдительную медсестру.

Вскоре для дальнейшего лечения раненого перевезли в госпиталь города Луги. Окрепнув и набравшись сил, Борис вновь на перекладных помчался догонять свою воинскую часть, которая вела бои у реки Великой.

«Фашистские дивизии откатывались всё дальше и дальше на Запад. Атаки, обстрелы, бомбёжки. Это стало привычным образом жизни, — вспоминал Борис Миронович. — Наша армия освободила Польшу, Румынию, Венгрию. Бои начались на территории Германии.

И вот наступил день, которого мы все с нетерпением ждали. Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции. Над берлинским рейхстагом водрузили советский флаг».

Герцензон закончил войну наводчиком легендарной «катюши». Всех бойцов, подлежащих демобилизации, отправили в Вену. Он вспоминал:

«И вот я очутился в запасном полку, который располагался в районе Мархегта, в столице Австрии. Там собралось несколько тысяч наших солдат. Началась подготовка к демобилизации. Один день сменял другой. Никаких занятий с нами никто не проводил. Мы с нетерпением ждали встречи с Родиной.

Рядом с казармами был большой плац. Однажды я шёл по плацу и рядом с одной из казарм увидел большое количество шашек и досок. Посмотрел, вспомнил родной Ленинград и Дворец пионеров и подумал, что надо попробовать провести сеанс одновременной игры. Нашёл старшину полка, он одобрил мою затею.

На следующий день, утром, прямо на плацу поставили тридцать досок с шашками. Солдаты заняли места за шашечными досками, и я начал сеанс».

Весь полк высypал поглядеть на диковинное зрелище. Зрители располагались за спинами игроков. Сеансёр подходил к доске, быстро делал очередной ход и по часовой стрелке переходил к следующему столику. Иногда он применял эффектную манеру игры в расчёте на зрителя: быстро играл двумя руками сразу на двух рядом стоящих досках. Это впечатляло, особенно когда Борис проводил красивые многоходовые комбинации. Впоследствии шашечный мастер Андрей Напреенков назовёт такую игру в сеансе «запатентованным фирменным финтом Герцензона». Свою игру Герцензон, как всегда, сопровождал остроумными комментариями, шутками, прибаутками, за что уже тогда получил прозвище Герцензвон, сопровождавшее его на протяжении всей жизни. На плацу царило приподнятое настроение, люди ещё не верили всерьёз, что можно по-настоящему приступить к мирной жизни, повсюду звучал смех.

Вдруг Борис услышал восторженные приветствия солдат. Он поднял глаза и обомлел: над игроками возвышалась богатырская фигура командующего 1-м Украинским фронтом, маршала, дважды Героя Советского Союза Ивана Степановича Конева в сопровождении свиты генералов.

Но недаром Герцензон славился молниеносной реакцией. Борис не растерялся, приложил руку к пилотке и отрапортовал:

— Товарищ маршал, гвардии рядовой Герцензон проводит сеанс одновременной игры в шашки!

Маршал широко улыбнулся и подбодрил:

— Молодец! Давай, орёл, давай!

Герцензон продолжил сеанс и выиграл все партии. В мастерстве игры в сеансах одновременной игры ему было мало равных. А уж по умению создавать во время сеанса праздничную атмосферу он наверняка был чемпионом!

После сеанса Борис и решил отдохнуть в казарме. Залез на второй ярус, занял свою койку и крепко заснул. Проснулся потому, что старшина тряс его за кирзовые сапоги: «Бегом к командиру полка!».

— Твоя игра произвела сильное впечатление на маршала Конева, — заулыбался командир запасного полка рядовому. — Иван Степанович считает, что ты должен выиграть матч у многократного чемпиона Германии по шашкам Рудольфа Бернса. Готов?

— Постараюсь, товарищ полковник.

— Ты обязан ответить: «Есть!» — И выполнить приказ маршала. Пойми, победа над немцем в этом матче — вопрос не только спортивный, а ещё и политический. Советские люди должны побеждать всегда и во всём!

— Есть победить чемпиона Германии, товарищ полковник! — браво отрапортовал гвардии рядовой Герцензон.

— Вот это совсем другое дело! Сейчас тебе выдадут офицерскую форму, и мы на моей машине поедem в Берлин, в штаб фронта.

Рядовому Герцензону выдали зелёную гимнастерку, португепю и диагоналевые синие брюки; солдатскую пилотку заменили офицерской фуражкой. Ехали в Берлин несколько суток, ночуя в сёлах и маленьких городках в советских воинских гарнизонах.

В штабе фронта их проводили к начальнику, и тот спросил:

— Гвардии рядовой, сможешь выиграть матч у Рудольфа Бернса?

На этот раз Герцензон ответил быстро и чётко:

— Есть выиграть матч, товарищ генерал-лейтенант!

— Молодец, так держать! Чтобы выиграть у немца, тебе надо набрать спортивную форму, хорошо подготовиться, позаниматься шашками, отдохнуть. Поднимись на четвёртый этаж, в 18-ю комнату, к полковнику Сидоренко. Он выдаст тебе направление в Дом отдыха. Дней через десять мы вызовем тебя телеграммой в Берлин, и ты начнёшь игру.

Дом отдыха для высшего командного состава находился в лесу. Там отдыхали генералы и полковники. Начальник долго с удивлением рассматривал армейскую книжку и направление Герцензона. Это был первый случай, когда в дом отдыха прислали присылают рядового. Начались давно забытые чудеса мирной жизни — отдельный номер, кухня... Борис съел полный котелок мяса, затем

впервые за несколько военных лет уснул не в земельной траншее, а в мягкой кровати, на чистом постельном белье.

На следующее утро начальник Дома отдыха сообщил Герцензону, что отдыхающие хотят сыграть с ним в сеансе одновременной игры. Против рядового сели за шашечные столики 15 генералов и полковников. Как они ни старались победить или хотя бы сделать ничью, никому из них не удалось. Герцензон выиграл все 15 партий! Вот что вспоминал Борис Миронович: «Десять дней пролетели как один. Я упорно тренировался, просиживая за шашечной доской по пять-шесть часов в день. И вот долгожданная телеграмма пришла. Я попрощался со всеми, сел в автобус. Через несколько часов был в Берлине.

Приезжаю и... Попадаю на гауптвахту: потерял на отдыхе бдительность и не отдал честь майору! А меня уже искали — не срывать же матч! Из штаба приехал на гауптвахту полковник и устроил разнос начальнику “губы”...

Матч мы играли в небольшом зале. Зрителей было немного, всего человек двадцать. Большинство из них — наши офицеры. Немцы, их было ещё меньше, занимали последние ряды. На небольшой эстраде поставили столик, на нём лежала шахматная доска с расставленными на ней шашками, и стояли шахматные часы.

Моего противника звали Рудольф Бернс. Это был высокий человек с орлиным профилем и длинными бакенбардами. Перед началом первой партии я протянул для приветствия руку. Но она повисла в воздухе! Я очень разозлился и решил, во что бы то ни стало выиграть у него матч. Играли мы двенадцать партий, по две в день. Матч продолжался шесть дней».

В первой партии вдруг выяснилось, что противники играют по разным правилам. Когда Герцензон, как и положено в русских шашках, разменялся назад, Бернс замахал руками. Оказалось, в немецких шашках этого делать нельзя, а играть по русским правилам немец категорически отказался. Или матч срывался, или Герцензону надо было играть по немецким правилам, о которых он только узнал. Конечно, Борис сильно рисковал, но он не мог отступить и решил продолжить игру!

В первый день Герцензон с трудом свёл две партии вничью. Всю ночь он продумывал, как играть по новым для него немецким правилам. Необыкновенная сообразительность, скорость мышления и быстрота реакции не подвели его и на этот раз.

«Я победил чемпиона Германии по шашкам Рудольфа Бернса со счётом 9:3 (шесть партий я выиграл и шесть закончил вничью),—

вспоминал Борис Герцензон. — Это был мой звёздный час! Меня все поздравляли, а один генерал преподнёс часы и сказал: “Я награждаю вас не только за то, что вы хорошо играете в шашки, но и за то, что вы, гвардии рядовой Советской Армии, с боями дошли до самой Германии и здесь, в Берлине, разгромили немецкого чемпиона в честном шашечном бою”».

Вскоре после войны Герцензон стал профессиональным тренером. Он работал тренером по шашкам в Доме пионеров Кировского района, Городском клубе имени М. И. Чигорина, Центральном парке культуры и отдыха имени С. М. Кирова, Ленинградском институте железнодорожного транспорта, Институте текстильной и лёгкой промышленности, Дорсовете ДСО «Локомотив», 387-й школе и многих других организациях. Он написал около двадцати шашечных книг общим тиражом свыше 600 тысяч экземпляров. Дети и взрослые с удовольствием познавали тонкости шашечного искусства по книгам Бориса Герцензона.

Борис Герцензон был, как говорится, педагогом от бога. Он всегда с удовольствием передавал свои знания и умения, учил детей и взрослых. Занятия у него были не сухими, академичными, а весёлыми, остроумными, с розыгрышами, подшучиванием и добродушными подначками. Особенно любил Борис Миронович заниматься с детьми, при этом сам оставался большим ребёнком и в пятьдесят, и в семьдесят, и в девяносто. С успехом тренировал сборную Ленинграда. Команда Дорсовета ДСО «Локомотив» по шашкам под руководством Герцензона неоднократно побеждала в Спартакиадах Ленинграда. Ученики Бориса Мироновича постоянно занимали призовые места в самых престижных шашечных турнирах. Герцензон воспитал десятки мастеров спорта и нескольких гроссмейстеров, за что получил почётное звание «Заслуженный тренер России». Безусловно, он очень много сделал для развития шашек, их пропаганды. Не случайно Всемирная шашечная федерация наградила Бориса Мироновича Почётным дипломом за пропаганду шашек в мире.

Одним из соавторов нескольких книг Бориса Герцензона стал шашечный мастер Андрей Напреенков. Самая известная их работа — «Шашки — это интересно» выдержала несколько изданий большим тиражом. Напреенко, ещё и биограф Герцензона, написал книгу «Герцензона знают все шашисты», в которой рассказал о жизненном и творческом пути Бориса Мироновича, привёл его лучшие партии. В ней есть такие строки: «Бывают люди, как закваска в тесте. Где бы они ни появлялись, вокруг них начинается бурлить, кипеть общественная жизнь. Таким мне открылся Борис

Миронович Герцензон — известный шашист, интересный рассказчик, неисправимый фантазёр и мечтатель, иногда по-детски наивный. За долгие годы нашего знакомства, бесконечных бесед, обсуждения головокружительных планов и кропотливой работы над книгами он поведал мне немало занимательного».

В конце 1990-х годов Борис Миронович получил письмо от своего старого друга, шестикратного чемпиона мира по стоклеточным шашкам Исера Купермана. Теплотой, искренней симпатией и юмором проникнуты строки, обращённые к Герцензону: «Кроме былой дружбы, нас с тобой сближает возраст и то, что мы всю жизнь отдали шашкам. Жаль, конечно, но так получилось. Столько, сколько ты сделал для шашек, никто (кроме меня, конечно) не сделал в прошлом, настоящем и, я уверен, не сделает и в будущем.

Твои последние книги мне очень нравятся: серьёзные (что не похоже на тебя) и доброжелательные (что похоже на тебя)».

Познакомился я с Борисом Мироновичем Герцензоном в 1971 году, работая инструктором-методистом в Городском шахматном клубе имени М. И. Чигорина. Этот старинный особняк на улице Желябова (ныне Большая Конюшенная), дом 25, был подлинным центром шахматной и шашечной жизни города. Своеобразное государство в государстве!

Хотя я занимался шахматными вопросами как мастер по этому виду спорта, но и шашечная жизнь проходила на моих глазах. Герцензон работал в Городской шашечной федерации, много лет был её ответственным секретарем.

Мы с Борисом Мироновичем быстро и легко подружились, вместе выступали на разных мероприятиях и праздниках. Запомнились наши шахматные и шашечные сеансы одновременной игры по воскресеньям в Доме учителя во Дворце Юсупова на Мойке. После выступлений Борис Миронович без усталости рассказывал увлекательные истории. Рассказчик он был удивительный, очень эмоциональный, сам переживал то, о чём говорил. Потом мы отправлялись к Борису Мироновичу домой, беседовали, обсуждали всё интересное, происходящее в мире. Уходя, я брал домой почитать какую-нибудь книгу, рекомендованную Борисом Мироновичем. У него была великолепная библиотека детективов, историко-приключенческих и авантюрных повестей и романов, на которые он тратил почти все свои средства. В его библиотеке была не только классика, но и редкие книги старых, забытых авторов.

Параллельно с составлением литературных серий Герцензон страстно, как всё, что он делал, увлёкся литературным творчеством,

начал писать детективные и историко-приключенческие рассказы. Многие из них мы писали в соавторстве, ежедневно подолгу и подробно обсуждая их содержание. Десятки наших рассказов были опубликованы в газетах и журналах «Вне закона», «Тайны XX века», «Тайны и преступления», «Чудеса и приключения» и других. Вышли в свет три наших книги: «Король русских сыщиков», «Дух маэстро» и детская повесть «Приключения маркиза Де ля Танта». Как-то я пошутил:

— Борис Миронович, вы великий писатель, почти как ваши любимые Чейз и Дюма.

— Нет, Володя, я дворянжка! Стоит человеку хотя бы на минуту поверить, что он великий, и он пропал! — мгновенно отреагировал Герцензон. Это был один из принципов его собственной жизненной философии.

За сорок лет нашей дружбы ничто никогда не омрачило её. Мужскую дружбу Герцензон ставил превыше всего. Он был убеждён: «Если ты предал друга — ты погиб!». Вопреки поговорке — «Настоящих друзей много не бывает», — у Бориса Мироновича было немало верных друзей. С некоторыми из них он дружил в течение многих десятилетий.

В начале XXI века у нас сложилась добрая традиция: отмечать День Победы 9 мая и день рождения Бориса Мироновича Герцензона 28 декабря у него дома, на проспекте Ветеранов. Борис Миронович до последних своих дней сохранил ясный ум, прекрасную память и чувство юмора. Казалось, что этот человек неиссякаемой энергии будет жить ещё долго-долго. Ничто не предвещало беды...

Горькое известие о смерти Бориса Мироновича настигло нас 11 мая 2012 года.

Ученики не сразу поверили, что Борис Миронович ушёл из жизни. Дети ещё некоторое время продолжали приходить к нему домой на занятия...

28 декабря 2020 года исполнится 100 лет со дня рождения почётного мастера спорта СССР, заслуженного тренера России, автора многих увлекательных книг, мечтателя и фантазёра, гвардии рядового Бориса Мироновича Герцензона. Свою лепту в Победу над фашистской Германией внёс и гвардии рядовой Борис Герцензон. Участник боевых действий, инвалид Великой Отечественной войны Борис Герцензон награждён орденом Отечественной войны I степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» и другими.